

Владимир Гиляровский

Под «Веселой козой»

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Друзья и встречи

Владимир Гиляровский

Под «Веселой козой»

«Public Domain»

1926

Гиляровский В. А.

Под «Веселой козой» / В. А. Гиляровский — «Public Domain»,
1926 — (Друзья и встречи)

«В. Н. Андреев-Бурлак рассказал как-то в дружеской компании случай, произошедший с ним на нижегородской ярмарке.— Приезжаю я из Москвы с утренним поездом. Пью в буфете кофе. Садится рядом со мной толстяк с алмазным перстнем на указательном пальце. На жилете гремит брелоками золотая цепь...»

Владимир Гиляровский

Под «Веселой козой»

В. Н. Андреев-Бурлак рассказал как-то в дружеской компании случай, произошедший с ним на нижегородской ярмарке.

– Приезжаю я из Москвы с утренним поездом. Пью в буфете кофе. Садится рядом со мной толстяк с алмазным перстнем на указательном пальце. На жилете гремит брелоками золотая цепь.

– Вот и вы приехали! – покровительственно треплет меня по плечу. – Как-то наши с вами дела пойдут, Василий Николаевич, на ярмарке?

– А вы тоже артист? – спрашиваю.

– Как же! Мы с девицами приехали. Целый вагон привез, и в заведения и на «Самокаты». «Самокаты» я знал с 1874 года, когда совершенно случайно попал в Нижний.

Они существовали задолго до этого и были закрыты губернатором Н. М. Барановым в холерный 1892 год и никогда, насколько мне известно, не были описаны.

Весной 1874 года, после того как я вырвался с белильного Сорокинского завода в Ярославле, после зимы каторжной работы я очутился на палубе самолетского парохода, бежавшего на низ, и совершенно неожиданно попал в Нижний на ярмарку.

О пароходах на Волге никто никогда не говорил: «плывет», «едет», «идет», а всегда – «бежит». Никто из пассажиров-волгарей не скажет: «Я плыл, я ехал...» – Нет! Обязательно скажут так:

– Туда мы побежали на «Самолете», а оттуда я прибежал на «Дружине».

И действительно, глядя, как пароход вертит огромными колесами и шлепает по воде плечами колеса, будто ногами ступает, остается впечатление, что он именно бежит...

Итак, я побежал на изящном розовом пароходике общества «Самолет», с черной прямой трубой, опоясанной широкой красной полосой, и с белым флагом на корме. На нем желтой краской был изображен какой-то рисунок, из которого я помню две скрещенные медные трубы. Это означало, что пароход почтовый.

А символ трубы обозначал почту, потому что у сидевших рядом с кучером провожатых почтовых дилижансов были точь-в-точь такие медные трубы, в которые они всю дорогу неистово дудели: «Берегись, мол, почта идет!»

Не едет. Нет, а идет... Почта пришла... Почта отходит в семь утра...

Вот и побежал я на «Самолете», запасшись краюхой ситного, воблой, выправив билет третьего класса.

Тогда билеты не покупали, а «выправляли».

Старинное слово это осталось от тех времен, когда еще пароходов не было. Теперь просто каждый подходит к кассе на пристани, платит деньги, получает билет, и только. Может быть, это слово возникло по связи получения билетов с получением паспортов? Паспорт или заменяющий его документ для кратковременной отлучки не покупался сразу – надо было хлопотать, тратиться, чтобы его «выправить».

Сижу я на корме на круге якорного каната. Любуюсь красавцем-городом на высокой горе, с белыми домами на набережной, бульваром в яркой весенней зелени. Творицами за Волгой... Вон там те же самые скаты бревен, где я три года назад, придя пешком из Вологды, увидел бурлаков Малафеевской расшивы, груженной хлебом. Тут меня и наняли на путину до Рыбны, и пошли мы в этот кабак за водкой, а потом на базар за лаптями, а оттуда к тому песчаному ухвосту, за которым стояла расшива.

Ночевали мы на сыром песке, а на заре я, в новых лаптях, впрягся в лямку и зашагал в ватаге вверх по матушке по Волге. Взяли меня на место бурлака, который вчера уже под

самым Ярославлем упал в лямке и тут же умер, на берегу, и тут же его зарыли в песок в густых тальниках.

Чуть не четверть ватаги за путину переумирало. Холерища семьдесят первого года на Волге была жестокая. Насмотрелся я этих холерных смертей в нашей ватаге, а уж там, в Рыбне, где я прокрючничал лето, валом валила она народ.

Посмотрел я на наш завод на высоком берегу: грязно-желтый, обнесенный высокой стеной, острогом глядит. Звали его «бурлацкое кладбище», потому что редко кто выходил оттуда живым. Отравлялись свинцовыми белилами, чахли и умирали.

– Чу! Труба и колокольчики...

Над нами по набережной пролетела куда-то пожарная команда... Я узнал высокого старика брандмейстера.

О, сколько пережито за три года! И атаман Репка и Костыга, как живые, перед глазами. И порка розгами солдата Орлова... И кулачные бои... А в ушах звенит голос нашего запевалы бурлацкого, его песня о пуделе, которой я после никогда не слышал:

Белый пудель шаговит, шаговит...

...

Черный пудель шаговит, шаговит...

Раздолье Волги летом, пьяный вой Будиловского притона зимой, а кругом зимогоры, зимогоры... «Рвань коричневая», то слезливая, забитая, то «удалы добры молодцы» – непокорные, которым удержу нет.

«Зимогоры» – верхне-волжское яркое слово, обозначающее тех, которым зимой горе.

И я – недавний зимогор, вырвавшийся на волю... Да еще с билетом на почтовом пароходе «Удалой», тогда одним из самых резвых на верхнем плесе.

Второй свисток прогудел над головой и выбросил в воздух один за другим два снежных облачка пара. Сквозным серебром забелели они на голубом небе, расплылись прозрачным кружевом и бесследно растаяли...

А с верховьев Волги с продолжительным свистком бежал сероватый легкий пароход с трехцветным торговым флагом, часто хлюпая плицами, и стал делать круг, чтобы стать как полагается, носом против течения. Он ловко завернул, пришвартовался к своей такой же сероватой пристани, с таким же трехцветным флагом на мачте. Над колесами я разобрал надпись «Велизарий».

– Тихомир здорово опоздал. Со злости вдрызг налимонился, всех разнесет, – громким голосом говорил кому-то наш усатый капитан в морской, с белым верхом, фуражке.

– Ему зарез. В Ярославле всех пассажиров прозевал. В Костроме тоже мы всех заберем, – ответил кто-то невидимо для меня.

И тут же три свистка и три облачка белого пара за клубились на лазури и медленно растаяли над нами, когда «Удалой», повернув носом вправо, захлопал лопастями по забурлившей воде, выбрался на стрежень и прямо побежал вниз.

И «Велизарий» выбросил два облачка, побольше наших, дал два продолжительных, каких-то злых, тревожных свистка, будто у того, кто давал свисток, дрожала рука.

Пассажиры с носа перешли на корму и шутили над «чумовым Тихомировым». Ехавшие на «Удалом» из Рыбинска удивлялись задержке там «Велизария», который должен был бы по расписанию выйти через десять минут после нас.

Кругом шли разговоры о Тихомирове. Из них я узнал, что когда он напьется пьян, то идет «капитанить» и устраивать бешеную гонку с «Самолетом». И так всю навигацию – кроме

месяца нижегородской ярмарки. Тогда пароходом правит опытный капитан-старик из лоцманов, а его хозяин со дня поднятия флага на ярмарке вплоть до закрытия ее безвыходно кутит по всем притонам, до «Самокатов» включительно.

Я бродил по пароходу и чувствовал себя, как говорится, на седьмом небе...

Еще рано утром я бросил мою рвань на базаре и переоделся во все новое: синяя рубаша в полоску, короткая суконная поддевка, сапоги гармонией и картуз с лаковым козырьком. Я оделся именно так, как всегда щеголял Демка, конюх при цирке Василия Ивановича Вольфа. Я года два дружил с Демкой и во время моих скитаний без паспорта и под чужим именем я, когда нужно, выдавал себя за циркового конюха, так как эта профессия никаких подозрений не возбуждала, а цирк – всеми любимая тема для разговоров, которой я и пользовался в случае нужды.

Так я решил поступать и впредь. Переодевшись в лавчонке около Будилова трактира, я уселся на тумбе, и местный седой Фигаро из старых солдат взял с меня за стрижку пятак, заявив, что остриг «под польку».

Он сразу угадал, что я с белильного завода, и посоветовал мне идти на Волгу и промыть волосы.

Это напоминание о белильном заводе укололо меня, и совершенно успокоился я только тогда, когда, купаясь, извел полкуска казанского мыла.

Я, гуляя по пароходу, поднялся на мостик, на который допускались только классные пассажиры, и меня никто не остановил. Я понял, что с недавним прошлым кончено и что никто не подумает, что я вчера еще был обреченным на гибель рабочим белильного завода и что еще сегодня утром был зимогор.

Быстро бежал «Удалой». Сзади чуть-чуть слышались три свистка: «Велизарий» отваливал. Едва ли скоро догонит.

Увидав, что спектакля не ожидается, пассажиры разбрелись с кормы. Я спустился и снова сел на канаты.

Выползли из душного кубрика два матроса и, сев рядом со мной, принялись колотить воблу о перила.

– Собачий барин остановки требует! – указал один из них, зубами сдирая шкуру с янтарной рыбины.

Далеко впереди лодка с пассажирами отваливала от высокого правого берега, где среди зелени сверкал на солнышке белый дом с колоннами.

– Это Собачий барин? – спросил я.

– Он самый.

И вспомнились рассказы старых бурлаков Костыги и Улана. Вспомнились и ночи на белильном заводе, когда бывалый бурлак Суслик, развлекавший всю казарму в долгие бессонные ночи своими бывальщинами да сказками, не раз упоминал Собачьего барина.

– На этом самом месте, – говорил он, – с испокон века бурлацкая перемена, а потом она закончилась. Приехал из Питера барин, выстроил усадьбу, она и сейчас цела пониже Ярославля – белый дом на горе, весь на виду. Стал по летам наезжать сюда на жительство. Дело еще было при крепостном праве, дворян огромная, собак уйма: охотиться гости из Питера прибывали – все важные бары. Не понравилось барину, что его бурлаки беспокоят тем, что ночуют на берегу, что кашу варят, песни поют и барынь своим видом пугают. И начал он наши ватаги собаками травить на ходу, а ежели на перемену остановятся, то ночью на нас, на сонных, налетали охотники верховые и арапниками пороли. Так года два зверовал барин да на Репку и наткнулся. А Репкина ватага – так бурлачков полсотни – всегда богатырь к богатырю была подобрана. Затеял барин потеху, сам с пьяными гостями высыпал, напустил на бурлачков своих охотников, а Репка ждал. Ну и отчихвостили наши ребята господишек и их холуев по-бурлацки. На Репку наскочил сам барин с арапником. Схватились они врукопашную, на чертолом облапились, –

картинно рассказывал Суслик эту бывальщину и заканчивал: – Барин помер. Стройка дворовая сгорела, только дом остался, бурлаки перевелись, а место и по сею пору зовут Собачий барин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.